

ТАТЬЯНА ГРАЦ

Я
СТРАВАЮСЬ

18+

18+

Татьяна Грац

Я справлюсь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69994141

SelfPub; 2023

Аннотация

Если ты загруженная проблемами мама семнадцатилетнего парня, значит ли это, что твое время прошло? Или еще есть шанс на счастье? Если ты старшеклассник, погруженный в вихрь первых страстей, тебе точно не до маминых дел. Но вы же одна семья, и ты ее единственная опора. Если ты маленькая девочка, у тебя все впереди, мир кажется ярким, но порой бывает несправедливым. Если ты мужчина и в одиночку растешь дочь, можно ли тебе думать о личной жизни? А теперь смешаем четыре истории и... что получим?

Содержание

Часть 1. Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	56
Глава 5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Татьяна Грац

Я справлюсь

Часть 1. Глава 1

Марина

Идти по размокшему тротуару оказалось непростой задачей. Там, где соль, песок и подтаявший снег вперемешку, волей-неволей сапоги сами начинают чавкать, набирая внутрь себя все больше воды. И так из года в год. Но если не обращать на это внимания, то в воздухе веет весной, а именно первым мартовским днем.

В ушах играет *Carry On Wayward Son*, и от этого хочется ускорить шаг. Но ноги увязают в жиже, и я послушно сбавляю темп. Что по курсу? По курсу – магазин у дома. Захожу в него, чтобы купить масло и немного огурцов. Сегодня среда, через час приедет Сёма, нужно же его чем-то накормить. Помнится, в холодильнике лежит индейка. Можно сделать картофельное пюре или лучше макароны? По-любому Сёму ничем не удивить, он уже многое в своей жизни перепробовал (и это я не только о еде говорю). Особенно с тех пор, как купил подержанный «Лексус». По тому, как он ласково стал

называть его «Сускел», думается, что автомобиль ведет себя не сильно хорошо. Или, например, его жена. Она теперь администратор ресторана и тоже работает допоздна. Откуда у людей рвение так много работать? Будь мне снова тридцать лет, я бы буквально не вылезала из дома и училась готовить блинчики. Но мое время прошло.

Поднимаюсь по лестнице на первый этаж и хватаюсь за ручку двери. Закрыто. Фыркаю, достаю ключ и засаживаю его в замок. Оборот – и готово. Ручка поддается мне, открываю дверь и вхожу. Мой взгляд тут же падает на женскую обувь у входа. В сердце что-то больно ёкает, и оно начинает биться сильнее.

«Вот оно, началось», – про себя думаю я.

Осторожно прикрываю за собой дверь. Также тихо раздеваюсь, продолжаю рассматривать незнакомые ботинки. Точнее, гриндерсы. Огромные такие, высокие, на толстой подошве. Пытаюсь представить образ девушки, которая их носит. В голову лезут всякие готы и панки с сотней пирсингов во всех возможных местах. И татуировки. А как же без них? Обязательно татуировки, сейчас модно набивать их себе на лице и руках, прямо на кистях.

«Что делать? Может, устроить скандал? Ворваться в комнату и разораться?» – размышляю я.

Но так поступают только слабые женщины. Посматриваю на закрытую комнату и отчетливо вижу, что в ней темно. Всячески успокаиваю себя и иду на кухню. Стараюсь по пути

не прислушиваться к тому, что происходит в закрытой и темной комнате, пытаюсь готовить ужин. В голову все равно лезут всякие мысли, когда разделяваю тушку индейки на доске. А нормально ли то, что происходит? Или я должна вмешаться? Может быть, все-таки заглянуть? И что я скажу?

«Ребятки, у вас тут как дела? Помощь нужна?»

Тихо смеюсь и качаю головой. Этого точно не стоит делать. Будь мне семнадцать, как бы я отреагировала на подобное? Конечно же, разозлилась бы. Но я и не была такой в семнадцать лет. Ну, хорошо, да, залетела в восемнадцать, но он хотел на мне жениться...

Дверь хлопает, и я подскакиваю на месте от неожиданности. Слишком громко на фоне полной тишины в квартире. К тому же я уже давно перестала стучать ножом по доске. Ставлю кастрюлю с водой на огонь как ни в чем не бывало. Совершенно не обращаю внимания на шаги, приближающиеся к кухне.

– Мам, привет, – смущенно говорит Рома, и здесь я уже натягиваю улыбку и смело поворачиваюсь к нему лицом.

– Привет, – говорю я, между делом старательно обхожу взглядом гостью нашего дома.

Красноволосая девочка в рубашке и кофте. Пучеглазенькая, с яркими красными губами и жирно покрашенными глазами. А какая маленькая! Интересно, какой у нее рост? Не удивлюсь, если ее дразнят полторашкой. Но ее глаза пы-

лают уверенностью. Слишком уж дерзко поглядывают на меня.

– Мам, это Полина. Полина, это мама, – мнетя у двери в кухню Ромка.

– Марина Николаевна, – представляюсь я, предполагая, что Полина вряд ли будет называть меня «мамой». – Хотите есть? Через полчаса ужин будет готов.

– Нет, в другой раз, Полина уже уходит.

– Ты разве ее не проводишь? – с наигранной вежливостью спрашиваю я.

– За мной мама заехала, – почувствовав фальшь, точно на вызов отвечает Полина.

А голос у нее тоже поставлен. Командный.

Я желаю ей хорошего вечера и приглашаю прийти к нам еще. Она кивает и уходит. Рома чутко не отходит от девушки ни на шаг. Слышу в коридоре их шепот, но не хочу знать, о чем они говорят. Мне и так ясно, что я не понравилась Полине. А кому нравятся мамы парней? Они же вечно мешают, приходят не вовремя, еще и ревнуют своих сыновей. Я тоже из таких, но тщательно это скрываю. У нас хорошие отношения с сыном, и у меня нет никакого желания их портить.

Засыпаю макароны в кастрюлю, пока копошение в коридоре продолжается. Доносится громкий звук застегивающейся молнии на куртке. Потом Ромкин голос, отчетливо произносящий: «Я тебе позвоню, малышка». Корчу гримасу от этого прозвища. Приторно сладко и пафосно. Но для его

возраста, наверное, правильно. Ведь Полина – действительно малышка, хотя бы из-за роста...

Вода не успевает повторно вскипеть, чтобы заполнить тишину в доме, поэтому следом слышится звук поцелуя. Здесь я уже не выдерживаю и вбираю побольше воздуха в легкие, закатываю глаза. *Да когда же это закончится?!* Мой сын впервые привел в дом девушку, маленькую, теперь понятно, почему она ходит в гриндерсах. Детки чем-то занимались в темной и закрытой комнате, а теперь бесцеремонно целуются в нашей прихожей. Как я зла! Просто не нахожу себе места. К счастью, не могу отойти от плиты, помешиваю макароны, иначе бы точно выскочила в коридор.

Спустя пару минут Рома возвращается в комнату и садится за стол. Спиной чую, какой он довольный, с румянцем на щеках, повернуться даже страшно. Он знает, что я раздражена происходящим, но молчит. Рома – хороший сын, скорее всего, до конца прослушает мою нотацию про приглашенную в нашу квартиру девушку.

– Не слышал, когда ты пришла, – говорит Рома.

Малец прощупывает почву, пытается оценить, насколько я адекватна. Непорядок, нужно показать ему свой статус:

– Ну извини, что не работаю круглосуточно!

Оставляю в покое макароны и поворачиваюсь к сыну. Как я и думала, мой Рома сидит за столом окрыленный: глазки сверкают, румянец на щеках горит красным, заливая кожу, губы растянуты в улыбке. Я невольно тоже улыбаюсь его ви-

ду. Пусть мне немного не по себе, но, кажется, мой ребенок счастлив. А значит, счастлива я. Хотя бы на время, сейчас...

– Мам, не злись, все путем.

– Дай угадаю, Полина у нас не первый раз дома?

– Вообще-то третий... Мы фильм смотрели, – находит оправдание Рома.

– Что за фильм? – делаю вид, что поддаюсь на его уловку.

– «Морбиус». Да ты не знаешь, зачем спрашиваешь? – отмахивается сын.

– Это где Джаред Лето в главной роли? Почему же, знаю, смотрела.

У сына брови вздымаются от удивления. Возвращаюсь к индейке на сковороде, которая требует моего срочного вмешательства. И в это же время немного посмеиваюсь про себя. Маме семнадцатилетнего сына приходится нелегко: нужно знать современных исполнителей и актеров, новые фильмы и книги. Иначе подросток быстро спишет тебя со счетов, и ты потеряешь авторитет. Между делом соглашаюсь с тем, что Ромка похож на своего отца. У него такие же очаровательные карие глаза и милые, все еще детские щечки. Волосы взъерошены, наверняка уложены специальным гелем. Что-что, а Рома умеет следить за собой. Даже сейчас он одет в свежую футболку и чистые штаны. К слову, футболка белая, и носки тоже. Мой чистюля. А какие носки были у Полины? Пытливо хочу вспомнить, но перед глазами возникает только ее надменная физиономия. То, как

она посмотрела на меня. Слегка встряхиваю головой, пытаюсь отогнать ее образ, стоящий перед глазами. Об этом можно подумать позже, сейчас у меня в кухне голодный сын. Я не стану задавать ему лишние вопросы, типа: «Вы предохраняетесь?», «Сколько Полине лет?» или «Не рано вам *фильмы смотреть?*». Это только унизит меня в его глазах. И чем ему может возразить одинокая тридцатипятилетняя женщина, которая родила в восемнадцать лет? Рома и сам легко может поставить меня в неловкое положение. Так что я – пас, мне этого разговора не нужно.

– Уроки сделал? – все-таки выдаю коронную материнскую фразу.

– Ты серьезно? – морщится Рома.

– Так, на всякий случай, – пожимаю плечами.

– Вместе с Полиной и сделали, кстати. Она – хорошистка.

Еще одно «важное» открытие. Что за хорошистки пошли? Раньше хорошистки выглядели прилежными девочками, в школьной форме и с девственными косичками. Теперь же модно самовыражаться. Кто в чем хочет, в том и ходит. Божечки, ну откуда во мне столько нытья? Неужели я постарела? Снова воздерживаюсь от комментариев.

К счастью, по квартире проносится пиликание домофона. Это Сёма, мой младший брат. Он закончил с работой и теперь идет к нам в гости. Каждую среду Сёма ждет своего сына Мишку из секции карате, потому что его жена в этот день занята. Он сидит у нас обычно минут тридцать-сорок, после

чего ему звонит сын, и он выходит его встречать. О том, что нужно поддерживать родственные связи – речь не заходит, просто секция находится достаточно близко к нашему дому, вот Сёма и выработал для себя удобную стратегию. Однако брат он все равно шикарный. Внимательный, заботливый, приходит всегда с чем-нибудь вкусненьким.

Сегодня он принес торт-мороженое. Стянул в прихожей свои кроссовочки-тапочки и тут же оказался в кухне. Сёма подошел ко мне вплотную, приобнял и чмокнул в лоб, а после пожал Роме руку.

– Вечер добрый, – здоровается в своей манере Сёма.

Мы с Ромой отвечаем ему тем же, и теперь все вместе садимся за стол. Обжаренные кусочки индейки стоят в большой чашке по центру, макароны порционно разложены мной по тарелкам. Рома тут же, не пробуя, солит еду, заливает кетчупом и начинает есть. Сёма не спешит. Сперва он протирает свои солидные очки в черной оправе, выкладывает телефон на стол, на экране которого светятся сотни непрочитанных сообщений, берет вилку в левую руку и пробует индейку. Он всегда сначала приступает к мясу, потом к гарниру. Я часто подшучиваю над его *раздельным* питанием. Ибо это так не работает.

– Маришка, индейка, как всегда, бесподобна, – хвалит Сёма мою стряпню.

– Да, мам, ништяк! – поддакивает Рома.

– Вот и хорошо, ешьте, – смущаюсь я.

Мои главные мужчины. Сын и брат. Еще, конечно, есть папа, но он редко навещается в гости. Они с мамой путешествуют. Так сказать, решили на старости лет повидать мир. Последний раз, когда я им звонила, то есть вчера, родители были в Питере. Мама всю жизнь работала и воспитывала двоих детей, потом судьба все-таки подкинула золотую монету, и папа стал больше зарабатывать. Так они накопили себе на полугодовой отпуск. Вот и сказке конец.

Однако моя сказка продолжается. В свои тридцать пять мне нужно «поднимать сына на ноги». Впереди маячит этот дебильный ЕГЭ, потом поступление в институт, а тут еще меж делом Полина затесалась. Я снова нервничаю. Отчего-то мне хочется, чтобы Рома все-таки получил хорошее образование. Чтобы мог потом обеспечить свою семью, путешествовать. Да и вообще не думать о том, как доходить зиму в весенних сапогах. Чтобы жизнь не ставила его перед выбором: купить колбасу за сто девяносто девять рублей по акции или за шестьсот рублей. При таком раскладе лучше и вовсе без колбасы прожить.

– Ты слишком много думаешь, – подмечает Сёма.

Он решил сказать мне об этом, когда Рома давно расправился с ужином и ушел в свою комнату брэнчать на гитаре. Я облокачиваюсь рукой о столешницу и опираюсь щекой на ладонь, прикрываю глаза. Голова жутко гудит, хочется спать.

– Можешь поговорить с Ромой? Он сегодня привел девушку. Как бы они чего-нибудь не натворили, – на свой страх и риск рассказываю я.

– По мне так Рома не из таких, – возражает Сёма.

– Из таких или нет, а голову легко потерять в его возрасте.

– Это точно. Красивая хоть, девушка-то?

– Гриндерсы, длинные красные волосы, полтора метра роста и глаза, норвящие меня испепелить, – нудно перечисляю я.

– Бойкая, значит. Это хорошо, – говорит Сёма.

– Почему?

– Ромка у тебя слишком правильный, домашний мальчик.

Такая будет им управлять.

– Ага, прям замечательно.

Тот факт, что моим сыном будет управлять какая-то цаца, не особо радует. В момент захотелось, чтобы Рома превратился в жесткого парня, который сам крутит девчонками и «сносит им головы». Но Рома таким не был. Он действительно слыл домашним парнем, который по выходным готовил с мамой пирог. Я его так воспитала, и мне он таким нравился. У Ромы были хорошие друзья, которых я знала. Не выпытывала у него о них, он рассказывал сам. У нас почти не было секретов друг от друга. Я не лезла в его личное пространство, а он позволял мне иногда читать лекции о том, как и что делать правильно и неправильно.

Мы жили в меру своих возможностей. Может быть, ино-

гда не жили, а выживали. Где-то шиковали, а где-то считали каждую копейку до моей зарплаты. Рома зарабатывал на своем канале пока еще небольшие деньги. Играл всякие каверы на гитаре и делился ими с подписчиками. Я не возражала, он же блогер, пусть развлекается. В остальном все было стабильно. Рома любил свою жизнь такой, какой она была: без отца, в двухкомнатной квартире в Липецке, с небольшими карманными деньгами на личные расходы, акустической гитарой десятилетней давности и теперь еще девушкой Полиной, которая хорошистка.

– Как у тебя на личном? – спрашивает Сёма, попивая чай.

– Опять двадцать пять! Сёма, перестань. Лучше расскажи, как там Мишка? – на дух не переношу такие вопросы.

– Мишка уже идет к машине. Надо включить автозапуск, пусть салон прогреется, – отвечает брат и достает ключи, дабы исполнить замысел. – И все-таки не понимаю, что тебя бесит. Тебе не помешало бы развеяться. Ромка уже взрослый, вон девушек домой таскает, почему ты не хочешь...

– Сёма!

Мое веское «Сёма» говорит брату о том, что я не сдамся. Ни за что! Моя личная жизнь покрыта вековой паутиной, и меня это вполне устраивает. Не хочу ничего менять. Потихонечку начинаю греметь посудой, даю понять Сёме, что занята и мне некогда слушать его упреки. Он надувает щеки, но не более того. Поправляет очки, кидает быстрое «спасибо» и уходит в комнату Ромки. Я радуюсь, отличное реше-

ние.

Рома

«Малышка, я скучаю по тебе!» – пишу Полине, надеясь тут же получить ответ.

«И я по тебе* Уже дома, иду купаться», – ответ от Полины не заставляет себя ждать.

«О, ништяк. Ты в чем? Кинешь фоточку?»

Спустя несколько секунд Полина присылает мне свою фотку. Вау! Это в сотни раз лучше, чем я себе представлял. Малышка в черном кружевном боди и с чокером на шее. Как же меня возбуждают ее пухлые губы и длинные стрелки на глазах. До сих пор не могу поверить, что родители позволили ей сделать тату на запястье. Тоже хочу, только на плече. Или забить руки? И все-таки какая же она красивая! Удивляюсь, что мне досталась такая девочка. Для меня загадка, как Полинка на меня клюнула.

«Я тебя хочу», – отправляю эсэмэску. Думаю, это лучший комплимент в данном случае.

Не успеваю дожидаться ответа, как дверь в мою комнату

раскрывается после резкого стука. Никогда не понимал этот жест. Зачем стучать, если все равно зайдешь, не дожидаясь моего «да»? В этот раз я успел только заблокировать телефон и положить его экраном вниз. Ну конечно – дядя Сёма, известный мамин посланник, точно батюшка пришел меня отчитывать. Машинально кладу учебник себе на ноги.

– Домашкой занимаешься? Молодец, – поглядывая на раскрытый учебник биологии, дядя садится ко мне на диван. – Вот у меня в твоём возрасте не ладилось с учёбой, столько девчонок рядом красивых крутилось... Голова была забита не тем.

Хочется сбежать, прямо сейчас сигануть из окна к Полине. Но, черт, я – вежливый, поэтому приходится сидеть и слушать бред от старого ловеласа. Только бы не...

– Ром, ты уже взрослый, так что вправе сам решать, как тебе жить. Но послушай меня, будь аккуратнее, лады? Следи за собой, предохраняйся, поглядывай за девчонкой, чтобы только твоя была.

А-а-а! Он все-таки сказал это! Жесть! Дядя Сёма, вали отсюда, а! Пожалуйста! Пусть Мишка быстрее идет из своей секции, больше я этого не выдержу. Черт, моя мамка и то тактичнее разговаривает. И в принципе, я понимаю, что это ее идея: заставить дядю поговорить со мной. То есть она переживает? О, кей, я понял ее сообщение, буду аккуратнее.

Внезапно телефон дяди начинает трезвонить. Он отвечает на звонок, «вешает трубку» и виновато смотрит на меня. Ему

не удалось довести разговор до конца, мне даже становится его немного жаль.

– Все путем, дядь, я понял. Передавай привет Мишке и тете Лесе, – говорю ему напоследок, чтобы успокоить.

Дядя Сёма жмет мне руку и уходит. Фу! Просто фу! Какой кошмар, когда эти взрослые пытаются лезть не в свое дело. Разве я похож на дурака? Нет, вроде нормальный. Тащусь к маме в зал, где она уже раскрыла книгу и читает. Тоже прикрывается от меня литературой, вроде бы это не она подслала ко мне дядю Сёму. Опираюсь плечом на арку двери и скрещиваю руки. Делаю вид, будто мне интересно, что же мама читает. Это Агата Кристи. Хм, неожиданно.

– Что-нибудь случилось? – не отрываясь от книги, спрашивает мама.

– Да, получил твое сообщение. Извини, скажу как есть. У меня с Полиной ничего не было, мы только начали встречаться, и ее не так просто удержать. Она знает себе цену, – выпаливаю ей на одном дыхании.

– Вот как?

– Да.

Мама заливается краской. Я вижу ее взволнованное лицо. Она всегда крутит в руках свои светлые волосы, когда нервничает. Ее взгляд теперь бегаёт по мне, пытается отыскать правду. Но это и есть правда. Хотя я и грежу о Полинке всеми днями и ночами, но она холодна ко мне. Держит меня на дистанции, с друзьями не знакомит, в школе почти

не замечает. Я думаю, это временно, и скоро ее сердце отгадет. А пока у меня есть только подарок от нее на 23 Февраля и ее фотка в боди... снова вспомнил об этом. Хочется выть.

– Может, партейку в карты? – предлагает мама.

– Давай, – немедленно соглашаюсь, это меня отвлечет.

Мама тут же вскакивает с кровати и несется к шкафу, достает оттуда игральные карты. Еще минута, и мы сидим за столом и играем в «дурака». Такая старая игра, но нам до сих пор нравится. Это возвращает меня в детство, когда я играл в карты с бабушкой. Сейчас-то он не играет уже, а карты остались. Мама ловко управляет с ними, смеется, радуется каждому своему удачному ходу, как девочка. Размышляю о том, что она у меня очень даже ничего. Почему тогда одна? Ведь я ни разу не застал ее с мужчиной в нашем доме. Либо она хорошо шифруется, либо действительно одна.

Но моя мама – крутая тетка. Она не ругается по пустякам, не орет как бешеная, всегда поддерживает меня во всех делах, иногда курит. И, кажется, это она должна говорить мне о вреде курения, но выходит совсем наоборот. Обижается, когда ругаю ее за сигареты. Мне это только в потеху. А с другой стороны, она губит свое здоровье. И что с ней делать?

– Девятка! – перевожу на нее.

– Два вальта! – отбивается она.

– Еще девятка.

– Козырная? Да чтоб тебя! – ругается мама и забирает все карты себе.

Она делает из них достаточно объемный веер и обмахивается им, изображая из себя даму, возможно, червей. Сверкает моей дамой червей в своей колоде. Я посмеиваюсь и на автомате смотрю в телефон. Нет сообщений. Похоже, Полинка избрала тактику не отвечать на мое последнее сообщение. Оно висит прочитанным, мысленно кипячусь. Опять сделал что-то не так. В этот момент чувствую на себе оценивающий взгляд. Мама словно рентген считывает мои эмоции. Я слишком неосторожен, играю с ней в открытую. И это я не про карты, а про жизнь. Никак не могу совладать с собой и научиться себя контролировать. Мама все видит.

– Не бойся, ребенок, она ответит. Пока больше не пиши, девчонки не любят прилипучек.

Ухмыляюсь. Ну вот, назвала меня ребенком. Понятное дело, это она любя, но я это не люблю. Мне уже семнадцать лет, осенью будет восемнадцать. Хотя, наверное, она всегда будет меня так называть. Даже когда мне стукнет сорок пять. Это чисто материнская обязанность: считать своего ребенка всегда ребенком.

– Сегодня я – дурак.

Мама успевает избавиться от всех карт, и я проигрываю. Так-то: поменьше отвлекайся и побольше думай. Но в этот раз я про карты. И это к лучшему.

Глава 2

Марина

Встаю каждое утро какой-то переломанной, точно по мне ночью пробежало стадо слонов. Сон прерывистый, будильник громкий. Едва могу продрать глаза и увидеть, что за окном еще темно. Плетусь в ванную чистить зубы. Мысленно отмечаю темные круги под глазами. Дабы начать этот день так же, как и сотни похожих других, нахожу из всех своих блондинистых волос хотя бы один седой. Теперь это определенно я, а то подумала бы, что у зеркала стоит Годзилла. Осматриваю брови, которые за две недели после коррекции успели отрасти. С ними все просто: выщипать и нарисовать снова. Логично же?

Залезаю в ванну под душ и пытаюсь смыть остатки омолаживающего ночного крема с лица. Кожа склизкая, неприятная. До сих пор не понимаю, как этими мазюкалками пользоваться, сама бы такую дребедень ни за что не купила бы! Это коллеги с работы обо мне позаботились – подарили, то бишь не оставили погибать в яме постепенного старения. Крем дорогой, вот и мажусь.

По привычке закручиваю икебану из полотенца на голове,

прохожу в нижнем белье по коридору в зал. Раннее утро – это почти единственное время суток, когда я могу так спокойно прохаживаться без одежды по дому. Ромка в шесть утра никогда не просыпается, он – сова. И я на все сто уверена, что он опять сидел в телефоне допоздна. Дождался ли он эсэмэску от Полинки? Не мое дело. Натягиваю утепленные колготки, а следом за ними и штаны. Надеваю нательную маечку и свитер, икебана тут же разваливается. Мокрые пряди разлетаются в свободном падении на мои плечи. Думаю: вот бы сейчас кофе. Но на завтрак времени не остается, поэтому быстренько высушиваю волосы феном и иду в прихожую. Уже с рюкзачком, наполовину в куртке, влезаю в те самые весенние ботинки, в которых проходила почти всю зиму. Они не промокают, это уже хорошо. Осторожно закрываю за собой дверь.

По дороге во двор дотошно вспоминаю, что сегодня четверг. Вполне спокойный день, у Ромки шесть уроков и никаких репетиторов. Можно устроить семейный вечер и посмотреть фильм. Ага, как же. Наверняка Рома умотает куда-нибудь с друзьями. По голове бьет дубинка одиночества. А все же у меня недочитанный томик Агаты Кристи, им и займусь.

Работа прямо по курсу. Цветочный магазинчик находится недалеко от нашего дома, этим он мне и нравится. Гремлю связкой ключей и захожу внутрь. Это небольшое помещение с высоким столом, узким проходом и несколькими

витринными полочками, где располагаются сувениры и открытки. Хозяин магазинчика почти не торгует горшочными цветами, поэтому на полках стоят только кактусы с разноцветными иголками. По верхам место занимает грунт для посадки. А так цветочный салон больше предназначен для букетов. Цветы заперты в специальной холодной камере и теперь ждут моего внимания. Каждому виду цветов нужно уделить время: одним поменять воду, другим подрезать кончики, из третьих сделать композицию, ибо они и так застоялись. Но это чуть позже. Устраиваюсь у зеркала, чтобы «нарисовать глаза». Забиваю лицо тональным кремом и пудрой, замазываю свои темные круги, вывожу изящные брови и машинально затемняю веки в уголках. Это мой ежедневный макияж, автоматический. Иногда хотелось бы просыпаться уже с ним, но это срабатывает только в фильмах. В жизни же приходится постоянно повторять одно и то же действие. К примеру, пытаться не заехать себе кисточкой от туши в глаз. Или ровно подвести карандашом губы, не выходя за границы.

В последний момент карандаш все-таки съезжает, так как я слышу приветственный колокольчик на двери. Семь часов утра. Кто приперся в такую рань? Я в спешке удаляю розовое пятно с подбородка и выхожу за свою стойку. По дороге пытаюсь вспомнить: а я точно два глаза нарисовала? А то получится как-то неудобно перед посетителем.

– Здравсьте, – слегка покачиваясь, говорит он мне.

Ну ясно. Возвращение пьяного мужа домой, типичная ис-

тория... Теряю к посетителю интерес.

– Здравствуйте. Чем могу помочь?

Но мужчина молчит, он достаточно быстро добирается до моего высокого стола и ложится на него торсом, облакачивается на свои руки, выгибается и смотрит на меня. Я права, от него разит чем-то малоприятным. Алкоголем и нелепой жвачкой, которая должна типа перебить запах. Но такой аромат вряд ли чем-то перебьешь. Морщусь, однако сдерживаюсь от комментариев. Я не могу грубить своим клиентам.

– Мариночка? – буквально икает моим именем мужчина.

Мои глаза поднимаются на него. Многие клиенты знают мое имя, так как я давно работаю в этом цветочном магазине. Что с того? Упрямо не свожу глаз с парня.

– 10 «Г», помнишь? Я – Серега, Серега Кравцов. Ну? Узнала?

– Нет, не может быть! – удивляюсь я.

Всматриваюсь в его лицо еще внимательнее. Похож. Только ему как минимум сейчас должно быть в районе тридцати пяти лет, а выглядит он на двадцать восемь, своей внешностью едва до тридцати дотягивает. Хорошо сохранился. Хоть и пьяный, зато в дорогом пальто и с белой голливудской улыбкой. Такой же привлекательный блондин с голубыми глазами. Никак не могу поверить, что это мой бывший одноклассник. Помнится, в одну весну мы даже встречались.

Сергей не церемонится, берет мою руку и начинает ее сначала жать как при приветствии, потом целовать. Тщетно пы-

таюсь высвободить руку из его плена. Когда мне это удастся, он снова возвращается к моим глазам. Потом подпирает щеку локтем и загадочно улыбается.

– Хорошо выглядишь, Мариночка, – потом он будто что-то вспоминает и резко оглядывается, хмурится. – Только что ты тут делаешь? В цветочном?

– Цветы продаю, Сереж. У меня тот же вопрос: что ты здесь делаешь? – все еще надеюсь вернуть его в реальность.

– Как что? Цветы покупаю. Для своей любимой мамы, у нее юбилей.

– Какие тебе?

– Давай розы, сто штук!

– Дурачок, в четном количестве не дарят, – посмеиваюсь над ним.

– Тогда девяносто девять!

Снова смеюсь. Обычно мужчины добирают до ста одной розы, так нет же, этот попросил девяносто девять. Смешной. Не спорю, захожу в камеру и приступаю к работе. Слышу, как Сергей пробирается за мной следом. Разворачиваюсь, чтобы прогнать его, но он стоит слишком близко, утыкаюсь грозящей рукой ему в грудь. В какой-то момент мне становится страшно, но это всего лишь секундная паника, тактично отхожу на один шаг назад. Насколько это возможно сделать в камере, сзади цветы.

– А ведь нам с тобой было хорошо когда-то, – его рука на моей талии.

– Да, но сейчас другое время. У меня сын, у тебя... твоя мама с юбилеем. Пожалуйста, дай закончить с букетом, – подбираю слова и одновременно убираю его ладонь с талии.

Сергей послушно кивает и выходит из камеры. Он усаживается в гостевое кресло, где посетили иногда ждут свои букеты. Как мне того и хотелось, залипает в телефон. Я в это время спокойно хлопочу с букетом. Сережа выбрал белые розы. Это очень красиво, всегда работает. Представляю лицо счастливой женщины. И мне как-то стыдно спросить, чего Сережа так набрался, если юбилей только сегодня. Пока я вожусь на столе с цветами, он будто читает мои мысли и начинает рассказывать:

– Вчера хороший вечер выдался, народу много было в зале. Мы с друзьями немного отметили удачный концерт.

– Концерт?

– Я – стендапер. Ну, знаешь, юморю, рассказываю со сцены всякие истории...

– Знаю, можешь не объяснять. Здорово. И давно ты этим занимаешься?

– Лет пять точно. Я ненадолго в Липецк приехал, это что-то вроде отпуска у меня. Здесь побуду и поеду дальше. Может быть, в Москву, или, может быть, в Питер. Скажи, круто-круто? – понтуется Сергей.

– Круто, – зачем-то соглашаюсь я. И в этот же момент перевязываю ленточку на букете, как же вовремя! – Ваш букет готов!

Сережа снова подходит к столу, вытаскивает карту из кошелька и расплачивается по счету. Честно сказать, у меня от сердца отлегло. Часто бывает, что у таких ранних посетителей в превеселом состоянии не оказывается денег. Повезло.

– Приходи на концерт, посмотришь на мое выступление, – Сережа крепко удерживает мою руку в своей и внимательно смотрит в глаза.

– Как-нибудь обязательно. Я сейчас на мели, так что...

– Я приглашаю. VIP-столик, шампанское, фрукты, всё за мой счет.

Думается мне, что он не отпустит мою руку, пока не соглашусь. Он так держит ее, не вырвать. Я буквально прибита им к столу, не могу оторвать ладонь. А его рука, как назло, теплая, приятная. Такая сильная, что тело ностальгически ноет от этого прикосновения.

– Хорошо, ладно. Когда? – хочу побыстрее отделаться от него, потому что эта игра мне начинает нравиться. Гоню от себя всякие мысли.

– Пятого марта в 18:00. Я заеду за тобой.

– Договорились.

Сережа неохотно выпускает мою руку, подмигивает мне и забирает свой букет. Пятясь, выходит из магазина.

Я пребываю в некотором шоке. Боже, как же это непривычно. Эти прикосновения вызвали во мне целую бурю, которая разыгралась внутри. Меня бросило в жар от происхо-

дящего. Вроде бы я больше не играю в эти игры, давно «вышла на пенсию», но тело будто ждало подходящего момента. Взволнованно успокаиваю себя, это не должно выбраться наружу. Здесь я главная, а не мое тело! Стоп, а как же Сережа за мной заедет, если не знает, где я живу? И у меня нет его номера...

Рома

– Не знаю! Я уже все сайты перерыл, дешевле не найти! – от беспокойства я кручусь в кресле то в одну сторону, то в другую.

– Тогда забей, тоже выход. Подари ей цветочки, – висит на другом конце провода Паша.

– То есть, не займешь?

– Нет уж, на твою Полинку мне и полтоса жалко. Она из тебя веревки вьет, точно тебе говорю. Бросай ее.

С Пашкой ссориться не хочется, и я просто скидываю вызов. Тяжело вздыхаю и снова смотрю в экран монитора. Оттуда на меня смотрит бенгальский котенок с изумительно голубыми глазами. Словно просит: «Возьмите меня к себе». Но я не могу. Породистые особи данной породы стоят от двадцатки и выше, я ужасно не успеваю заработать такие деньги. Мой канал еще не приносит больших денег, если только устроить стрим и попытаться накопить донатами. Идея хорошая, ее тоже со счетов списывать нельзя. Делаю запись

в блокноте. Итого у меня три способа для заработка за пять дней до Восьмого марта:

- продать свой аккаунт в танках;
- занять у друзей;
- провести несколько стримов.

В ту же секунду чувствую себя идиотом. Это все не то! Как я жалок! Не могу купить и подарить своей девушке бенгальского кота за двадцатку. Чистой воды идиотизм! Сажу тут в комнате и сочиняю то, на что в принципе не способен. Чтобы успокоиться, беру гитару в руки и начинаю играть перебором. Хотя все равно продолжаю думать про кота. Сраный подонок! Как же можно так дорого стоять?! В момент обрываю игру резким бряканьем по всем струнам, откладываю гитару на диван. Снова верчусь в кресле, поглаживая щетинистый подбородок. Так тоже не пойдет, нужно побриться.

«Иду домой. Что-нибудь купить в магазине?» – приходит сообщение от мамы.

Отвечаю, что ничего не нужно, только если она найдет в продуктовом бенгальского котенка за полцены. Точняк, Восьмое марта не только у Полины, оно еще и у мамы. Покрываюсь холодным потом, вспоминаю, как мама подарила мне на 23 Февраля видеокарту для компа. Ценный подарок. А я взял и забыл про нее.

Вот раньше была красота! Нарисуешь мамке открытку,

напишешь корявыми буквами «я тебя люблю» – и все: мама чуть ли не плачет от счастья. Жаль, что сейчас так не получится. Может быть, она и обрадуется самодельной открытке, но про меня подумает, что сбрендил. Ха, и Полине нарисованного кота подарить. А что? Ее тело, упакованное в кружевные наряды, тоже только на картинках, точнее на фотках. Все время дразнит меня. Вот сейчас прислала себя в гимнастическом купальнике с обнаженной вытянутой ножкой на перекладине. Смотрю и давлюсь слюнями. На заднем плане замечаю других девчонок, которые тоже занимаются в зале. У всех такие подтянутые фигурки, загляденье.

Внезапно телефон начинает вибрировать. Отвечаю на звонок друга.

– Санек? Чего тебе?

– Тебя все еще интересуют бенгалы?

– Конечно, интересуют! – оживляюсь я.

– Моя мама сказала, что у ее знакомой есть котята. Мы можем договориться и взять одного. Деньги постепенно отдашь. Ну как?

– Ништяк, бро! Когда можно за ним прийти?

– Да хоть щас. Давай, дуй.

Как же я рад, не описать словами. Санек буквально вытащил меня из ямы. Вот это я понимаю, друг! И словом, и делом. Быстренько выключаю комп, по дороге в прихожую надеваю свитер и уже собираюсь одеться в верхнюю одежду. По закону сюжета в дом заходит мама. С красным лицом,

холодная и снежная, похоже, погода на улице не ахти. Беру у нее пакет с продуктами и уношу в кухню, возвращаюсь. Она так странно улыбается, даже не столько губами, сколько глазами. Редко ее такой вижу.

– Как дела? – спрашиваю.

– Хорошо. Ты куда?

– К Саньку на часок отойду. Никакого криминала.

– Охотно верю. Не будешь ужинать?

– Потом.

Отказываюсь от ужина. Какая может идти речь о еде, когда мне пообещали целого бенгала взаймы?! А ведь мама еще не знает, что в течение пяти дней у нас будет жить кот. Ну ладно, она вроде любит всякую живность, однажды голубя в квартиру притащила и два месяца держала его на балконе. Видите ли, уличные коты разодрали ему хвост, и он не мог летать. Короче, этот пернатый друг нам в ту весну весь балкон загадил. В этом плане котенок как-то получше будет.

Выхожу на улицу, здесь метет по-черному. Все дорожки, что с утра расчистили дворники, уже замело. Довольно сурово для марта. Минусовая температура будет держаться еще неделю по прогнозу, потом станет теплее. Мне уже не терпится сменить тяжелую зимнюю куртку на весеннюю, что полегче. Гулять и не думать о том, что мерзнут уши, не щурить глаза от летящего снега. Бр-р, конечно.

Внутри меня что-то клинит, и я сворачиваю в противоположную сторону от Санькиного дома. Зачем-то иду к спор-

тивной школе. Хотя и так знаю, зачем: хочу увидеть Полинку. Ее занятия как раз таки заканчиваются в восемь. Бреду по сугробам к зданию. Когда подхожу, то сразу же поднимаюсь по ступенькам и тяну за ручку двери. У меня нет никакого терпения стоять и ждать ее снаружи, поэтому остаюсь в холле. Чтобы как-то скоротать время, рассматриваю стенды с фотографиями на стенах. Здесь, как обычно, находится информация о терактах, что делать в случае ЧС и прочее. Еще вывешен стенд с гимнастками. Засматриваюсь на то, как ровно они стоят в стойке. Натянутые, как струнки. Вот это осанка, словно в их телах металлические стержни, не позволяющие согнуться.

– Не знала, что ты увлекаешься гимнастками, – слышу знакомый голос сзади.

Поворачиваюсь к Полине и вижу ее нахмуренный вид. Ревнует? Нет. Скорее всего, устала на занятиях. У нее такая милая вязаная шапочка и черная куртка, расстегнутая. Подхожу ближе и сцепляю руки на ее талии. Волшебное ощущение, от которого притягивает к ней еще ближе.

– Меня увлекает только одна гимнастка, – улыбаюсь Полине и целую ее в губы.

Как же приятно пахнут ее волосы, ее тело. Чувствую, как бьется ее сердце. Внутри меня все горит от этого поцелуя. Кажется, что я постепенно схожу с ума рядом с ней. Не могу думать ни о чем другом, кроме ее губ. Полина зачем-то кладет свою руку на мою щеку, проводит ею до подбородка.

ка и цепляется о щетину. Черт, забыл. Она убирает ладонь и заканчивает поцелуй. Прячу свои руки в карманы куртки и отстраняюсь, чтобы дать ей немного пространства.

– Прости, не успел, – пытаюсь оправдать колючесть своего лица.

– Тебе все равно идет, – Полина довольно смотрит на меня, затем заводит глаза чуть вверх. – Завтра мы с подругами идем кататься со склона на плухе. Если хочешь, можешь взять своих друзей и присоединиться к нам.

– Да! – пугаю ее своим прямым ответом и внезапной радостью.

Неужели я заслужил ее доверие, и она познакомит меня со своей тусовкой?! Не верится. Чтобы Полина не подумала, что я этого очень ждал, добавляю:

– Мы с пацанами как раз собирались на этой неделе покататься. Ты читаешь мои мысли.

– Круто. Тогда до завтра?

– До завтра, малышка.

Снова подхожу и целую. Меня тянет к ней магнитом, не могу выпустить ее на улицу без поцелуя на прощание. Там, на парковке, ее уже ждет отчим. Ее мама снова укатила в какую-то длительную командировку сегодня в обед. Полина говорит, что это происходит довольно часто. И если она видит маму хотя бы раз в месяц, это уже огромное везение. Про отчима Полина не особо любит разговаривать. «Какой-то он мутный», – это ее основное мнение. То и дело

куда-то пропадает, не ночует дома.

Но это меня и не особо интересует. Не очень хочется пересекаться с отчимом Полинки, а тем более с ее мамой. Вряд ли я понравился бы Полининой семье. Они из богатых, а я... кота бенгальского не могу себе позволить. Черт, Санек меня ждет с тем самым котом, который в кредит. Нужно идти.

Полина выходит из здания первая. Наблюдаю, как она подходит к машине и садится на переднее сиденье. Все хорошо, теперь можно выйти и мне. Я преспокойно открываю дверь и выхожу. В кожу рук сразу же впивается мороз. Чтоб его! Сжимаюсь от холода и иду к Саньку. Надеюсь, что котенок оправдает мои ожидания и окажется восьмым чудом света. А по-другому и нельзя. Не зря же Полинка мне о нем все уши прожужжала.

Глава 3

Марина

Стою в кухне с икебаной на голове и готовлю завтрак. Сегодня выходной. В углу комнаты сидит милейшее создание. Мы уже успели с ним познакомиться с утра в ванной, когда он предпочел в качестве туалета коврик. Интересненько, что бенгальский котенок делает в нашем доме, и почему Рома умолчал о нем? Котенок пищит и рыщет в поиске еды, так смешно передвигается. Ловлю себя на мысли, что умиляюсь этому пушистому комочку. Только не это! Не хочу превратиться в ту самую женщину, которая живет с тридцатью кошками. Злюсь на Рому за подставу.

– Доброе утро, – протягивает сын, выходя из комнаты.

Он, конечно же, не замечает котенка, потому как еще не проснулся до конца. Щурится и смотрит в мою сторону одним глазом.

– Доброе, – все же киваю я.

– Ничего себе! Оладушки на завтрак? Кто-то умер? – удивляется Ромка.

– Ну почему сразу же умер?! – смеюсь я. Даже немного обидно, эдакий тычок в мою сторону, что готовлю подобное

только по праздникам или на поминки. – Хотела порадовать.

Ромка действительно радуется, но недолго. Теперь он замечает котенка, гуляющего по кухне. Вижу испуганное лицо сына. Он умоляющими глазами смотрит на меня. Что? Не собираюсь я выбрасывать котенка из квартиры, мне просто не хватает нескольких кусочков от пазла, чтобы разобраться в ситуации.

– Это Лорд, подарок Полинке на Восьмое марта, – говорит Ромка и берет котенка на руки, чтобы потискать.

– А-а, – киваю в знак понимания.

Ясно. Бенгальский котенок для Полины. Нехило-нехило. Иначе сказать: ничего себе запросы! Вот теперь нужно как следует продержаться, чтобы не нагрубить и не обидеть Ромку. Нельзя, чтобы сработала зависть или включился режим упреков, ведь этот кот породистый, дорогой.

– Если он будет жить у нас до восьмого числа, то ему нужен лоток.

– Есть лоток, я в комнате поставил, – гордо произнес Ромка.

– Сынок, переставь в ванную, хорошо?

Он соглашается, и тут я слышу стук в дверь. А вот это напрягает. Я никого не ждала в семь утра, никто не звонил и не писал. Понимаю, что не успеваю избавиться от полотенца на голове или переодеться из домашнего халата во что-то более презентабельное, поэтому иду открывать. Ромка заперся в ванной с котенком, наверняка показывает ему лоток,

про который создание забыло ночью.

Приоткрываю входную дверь и вижу мужчину. Его зовут Марк, он живет с дочерью напротив нашей квартиры. И у него три года назад умерла жена. По-моему, от рака желудка, но точно утверждать не могу. Я по максимуму не лезу в соседские дела, если только от меня не требуется какая-нибудь помощь.

Марк выглядит обычно, ходит уже который год в одной и той же толстовке, темно-коричневой куртке, но зато в белых кроссовках, которые не совсем подходят для ранней весны. На руке часы, на ногах утепленные спортивные штаны. Кем он работает? Вот уж не знаю. Но глаза у него уставшие, поникшие, безжизненные. Избегаю всяческого зрительного контакта с ним. Кутаюсь в свой халат, пытаюсь закрыть те участки тела, которые подверглись сквозняку.

– Марина, здравствуйте. У меня к вам просьба, извините. В школе, где Юлька учится, сейчас карантин, мои родители заболели. А мне нужно срочно на работу, понимаете? Не могу взять дочь с собой, мне не с кем ее оставить. Юлька еще маленькая, как бы она чего не натворила...

Он говорит немного дергано и обрывисто. Нервничает. Боится, что я пошлю его, и тогда у него не останется никаких вариантов. Пытаюсь вспомнить, сколько лет его дочери, что он не может ее оставить одну. Я тоже долго не могла привыкнуть к самостоятельности Ромы, это особая родительская фишка, понимаю Марка. Он трясется над своей до-

черью, как я трясусь над своим семнадцатилетним сыном.

– У меня выходной, так что могу побыть с ней, – улыбаюсь Марку, чтобы немного успокоить его.

– Спасибо! Спасибо большое! Вы не представляете, как это важно! Спасибо! Я сейчас ее приведу.

Марк искренне радуется, вижу появившуюся улыбку на его лице. Она такая скомканная и непривычная. Наверное, редко он улыбается, разучился. Мужчина убегает в квартиру напротив и скрывается за дверью. Я в этот момент успеваю снять полотенце и пройти им по волосам. Ромка выходит из ванной уже умытый, с уложенной прической и с котенком на руках. Красавчик! Захожу после него и вешаю полотенце. На большее времени не хватает, так как в прихожей слышатся шаги. Иду им навстречу, и передо мной возникает маленькая девочка, затем в дверном проеме вырастает Марк. Они забавно рядом смотрятся: такой мощный отец и такая маленькая дочка. Худенькая, бледенькая, но улыбчивая, в отличие от Марка, тоже в белых кроссовках. Подхожу ближе и по дороге пытаюсь вспомнить, каково это – общаться с маленькими детьми. Ведь Роме давно не шесть лет. Хотя... может, мой метод подходит к любому возрасту?

– Юля, привет, – хочу быть милой, но выглядит слишком наигранно. – Давай помогу с рюкзаком.

Марк снимает со спины дочери рюкзак и протягивает его мне. Девочка вопросительно смотрит на папу, он кивает глазами в ответ. Юля вмиг поворачивается ко мне, и тут ее рот

открывается:

– Привет. Папа сказал, что я сегодня буду вашей гостьей. Это круто! Я буду делать уроки, а еще покажу вам свой канал на «Ютубе». Хотите? У меня семьдесят подписчиков. А еще мне нравятся «Смешарики», если что. Вы любите смотреть мультики? Ух ты, а это кто?

Оборачиваюсь, чтобы посмотреть, на что указывает девочка. Это котенок выбрался из рук Ромы и на свою беду проходил мимо по коридору.

– Его зовут Лорд, и он подарок для одной девушки, – отвечаю я.

– Так, мне пора. Юль, давай только поскромнее, хорошо? Марина, вот вам на всякий случай мой телефон, звоните, если что. Юле я позвоню вечером, – говорит Марк. Он почти уходит, но после мнетя у выхода и возвращается одной ногой в квартиру. – Я забыл, вам ведь нужны деньги на продукты, сейчас...

– У меня все готово, не нужно, – отказываюсь я и перевожу внимание на девочку. – Юль, у меня там оладушки стынут, пойдем завтракать.

Марк шепотом произносит слова благодарности и на этот раз уходит из квартиры окончательно. Юля снимает кроссовки, куртку и шапку, вешает их на вешалку и проходит за мной в кухню. Выставляю на стол оладушки, интересуюсь, что девочка пьет.

– Какао с двумя ложками сахара, пожалуйста, – отвечаю.

ет она.

В этот момент почему-то ощущаю себя бариста, который готовит напитки по заказу. Но подчиняюсь, для меня это в новинку, внутри становится как-то приятно.

Из комнаты выходит Ромка в школьной форме и с сумкой. Он учится в другом лицее, там отчего-то нет карантина, так что внеочередной выходной ему не светит. Он с удивлением посматривает на юную гостью и кривит на меня глаза. Я усмехаюсь. Да, сынок, пока ты одевался, я успела обзавестись еще одним ребенком. Почти смеюсь. Рома, может, и видел раньше Юлю во дворе или на лестничной площадке, но разве он заострил бы на ней свое внимание?

– Дочка Марка, нашего соседа. Он попросил посидеть с ней, у них в школе карантин, – поясняю.

– Везет им, – грустно протягивает Рома, садясь за стол. – А ты теперь мать Тереза?

– Нет, я просто мать, Ром. Потребовалась моя помощь, вот и помогаю.

Рома замолкает и приступает к оладушкам, уминает их за обе щеки. Юля не уступает Роме по скорости и тоже ест оладушки, один за другим, только при этом еще успевает разговаривать. Таким образом я узнаю, что Марк работает отделочником, то есть занимается ремонтом в квартирах и домах на заказ. Действительно, работа пыльная, поэтому он не хотел брать с собой дочь. Потом Юля рассказывает про учителя по английскому языку, какой он строгий и требова-

тельный. Всему классу за просто так «двойки» ставит. Еще девочка не забывает про Лорда, говорит, что папа обещал ей летом подарить кота. И теперь она придумала, какого. Наблюдаю, как Ромка хочет возразить девочке, но сдерживается в последнюю секунду, заедая свое рвение оладушком.

Я гремлю посудой в раковине и продолжаю слушать разговорчивую девочку даже тогда, когда Рома уходит в школу. Сколько же в ней энергии, остановите ее кто-нибудь! Но Юля не сдаётся, позавтракав, она достает из рюкзака учебники и тетради. Узнаю, что она учится всего лишь в первом классе, так вариант с самостоятельностью ребенка отпадает. Рано ей еще бродить по дому одной, Марк прав. Юля фальшивит, когда читает задание. Она проглатывает буквы в словах и оттого не понимает, что от нее требуется. Заканчиваю мыть посуду и сажусь с ней рядом за стол. Я согласилась побыть ее нянькой, значит, могу внести свою лепту в дело.

– Не спеши, когда читаешь. Здесь ты пропустила окончание, а здесь проглотила середину слова. Получилась фигня, – тыкаю в учебник пальцем и мысленно взвешиваю, считается ли слово «фигня» плохим для семилетней девочки? Надо как-то постараться и воздержаться от подобных выражений.

– Фигня! – отмахивается Юля от учебника.

Блин. Походу ей понравилось. Теперь нужно чем-то отвлечь, чтобы Юля забыла это слово. Напрягаю свои извилины, и мне сразу же вспоминается метод зеленой ручки: когда делается акцент на верно выполненном задании,

а не на ошибках. С Ромой прокатывало. В свое время он отвратно писал букву «а» и было непонятно, то ли это «а», то ли «о». Я не ругала его за подобное написание, помню, как в черновиках подчеркивала зеленой ручкой красивые буквы. Роме это нравилось. После он старательно выводил каждую букву, и через месяц я подчеркнула зеленой ручкой все, что он написал в тетради. Этот метод работает, правда, я уже начала с ошибок... наверное, это заложено в нас: автоматически видеть сначала плохое и только потом хорошее. Хочу исправиться.

– Ты здорово произносишь буквы «р» и «л», даже взрослые не всегда могут похвастаться таким произношением.

– Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет, – быстро и гордо произносит скороговорку Юля, затем делает остановку, чтобы перевести дыхание и говорит: – Папа научил.

Марк занимается дочерью, похвально. Он не сбавил ребенка бабушкам и дедушкам по типичному сценарию, воспитывает ее сам. Это заслуживает уважения.

Вместе с Юлей читаем задание, тактично выделяю слова, где девочка проглотила буквы. Она повторяет за мной. Почти идиллия, мне нравится помогать ей. Это возвращает меня в те времена, когда Рома был маленьким. И только сейчас приходит осознание того, что раньше было проще. Чем взрослее он становится, тем больше вырастают его проблемы. Бенгал не в счет.

– Теть Марин, я всё, – дергает меня за халат Юля.

Юля хорошо пишет, говорю ей об этом, и девочка широко улыбается. Она встает из-за стола и бежит в сторону котенка. Лорд подрывается с места, чтобы убежать от своей преследовательницы. В квартире становится шумно от детского смеха и топота маленьких ножек. Мне нравится наблюдать за тем, как Юля играет с котенком, словно смотрю старый фильм.

Внезапно меня отвлекает телефонный звонок, это коллега с работы. Отвечаю.

– Мариш, тут молодой человек требует твой номер дать, – говорит она.

– Кто? – примерно понимаю, о ком идет речь, но все равно машинально спрашиваю. Хочу услышать это снова.

– Как-как? – интересуется коллега у клиента и возвращается к телефону: – Кравцов Сергей.

– Ему можно, пусть.

Коллега быстро прощается и кладет трубку. Думаю о Кравцове: все-таки какой странный товарищ, не поленился заехать в цветочный магазин за моим номером. Мелочь, а приятно. В ту нашу встречу он попросту забыл об этом, протрезвев, вспомнил.

«5 марта в 18:00», – тут же приходит мне сообщение.

Чувствую себя малолеткой, которой бойфренд прислал

долгожданную эсэмэску. Точно так же Рома радуется, когда ему Полина пишет. Вот только я уже давно не девочка. Почти уверена, что ни к чему хорошему это общение не приведет. Сережа явно что-то задумал. Против ли я этого «задумал»? Пока не знаю.

«Буду ждать», – зачем-то кокетничаю по телефону я.

Может быть, мне этого не хватало? Какого-нибудь легкого флирта, короткого романа, парочки приятных комплиментов? Ведь именно поэтому я сейчас жду еще одно сообщение от Сережи?

– Теть Марин, пойдете я покажу свои видео на «Ютубе», вам понравится, – берет меня за руку Юля и утаскивает в зал.

Откладывая телефон на полку, и мы вместе смотрим все видео Юли с ее ютуб-канала, потом «Смешариков». Позже я читаю ей детскую книгу, и девочка ухахатывается с «Денискиных рассказов». Еще через некоторое время она прикалывается мне сесть на пол, а сама устраивается на кровати и начинает копать в моих волосах. Делает незатейливые хвостики и плетет чуть ли не афрокосички. Это такое наслаждение, когда кто-то трогает твои волосы. Голова перестает ныть и тревожиться по мелочам, становится так легко и хорошо, что от восторга хочется прикрыть глаза и поспать часок другой. Но косички и хвостики – только часть от всего плана. Юля не сидит на месте ни одной минуты, не успеваю

очнуться от релакса, как она уже стоит и просит у меня кисточки и краски. Приходится подчиниться.

Мы осторожно заходим в Ромкину комнату. Юля запрыгивает на сложенный диван и рассматривает маленькую подушку с орнаментным рисунком, а я тихонько ищу в письменном столе принадлежности для рисования. Каждый выдвинутый шкафчик становится для меня некой пыткой. Я давно зареклась не лазить по Ромкиным вещам, поэтому боюсь наткнуться на что-то внезапное. Быстро выдвигаю ящики, окидываю взглядом и сразу же задвигаю. Мысленно про себя повторяю: «У ребенка должно быть личное пространство»; «Мой сын взрослый, он знает, что делает»; «Я хорошая мать». Прежде, чем найти краски, натываюсь на несколько взрослых журналов по типу «Плейбой», почти не смотрю на оголенных девиц на обложках. Странно, думала, что сейчас принято хранить такое в телефоне. Встряхиваю головой и вытаскиваю краски с кисточками из стола. Вздыхаю с облегчением, ведь взрослый журнал – это самое малое из того, что может попасться в вещах подростка. К счастью, мне не встретились припрятанные сигареты, вскрытая пачка презервативов или еще чего похуже. Мой сын держит планку хорошего мальчика, и я этим вполне довольна. А журналы, что журналы? Это нормально, это хорошо, наверное.

Следующий час Юля рисует красками человечков и домики, цветы и солнышко, воздушные шары и платья. С каждым

из рисунков прибегает ко мне на кухню, чтобы показать. Я разогреваю обед и ставлю на стол. Девочка быстро съедает свою порцию. Потом мы делаем математику, и Юля удивляет меня быстрым счетом. Замечаю дырку сзади на воротнике ее кофты.

– Сними, я зашью.

– А можно я? – спрашивает Юля.

Чуть ли не до самого вечера учу ее шить. Это затягивает. Вернее, не шитье, материнство затягивает. Мне слишком нравится общаться с Юлей. Мы столько всего успели за сегодня! Чувствую себя полноценной и легкой, конечно, уставшей, но счастливой.

Не помню как, но Юле все-таки удастся уговорить меня поиграть с ней в карты. В «дурака» у нас плохо получается, приходится начать с «пьяницы» (нет, о названии игры умалчиваю, просто говорю «другая карточная игра»). Марк звонит дочери именно в тот момент, когда Юля обыгрывает меня в карты.

– Алё, пап. Да мы тут играли в карты! Представляешь, я выиграла! Фигня все это, – как и полагается, Юля вставляет новое слово в разговор.

В телефоне слышится голос Марка. Похоже, он спокоен, доволен, что с его дочерью все в порядке. В этот же момент домой возвращается Рома.

– Мам, мы с пацанами пошли на плюхах кататься! – сын оставляет рюкзак чуть ли не на пороге и хочет улизнуть.

– И я хочу! И я хочу! – услышала Юля и теперь пытается упросить отца. – Пап, хочу на плюхе кататься, пожалуйста!

Она выслушивает ответ Марка и часто кивает. Заканчивает с ним разговор и радостно смотрит на меня:

– Теть Марин, папа сказал мне одеваться и выходить на улицу. Он скоро приедет с работы и отвезет на горку.

С улыбкой кидаю взгляд на Рому. Сын понимает, что теперь нужно дождаться какого-то дядю на машине, который из вежливости подкинет его до парка. Я пожимаю плечами и тоже одеваюсь, чтобы выйти с Юлей на улицу. Раз уж взялась быть ответственной за нее сегодня, нужно сдать ребенка отцу прямо в руки.

«Поскорее хочу увидеть тебя, детка», – перед выходом прочитываю сообщение от Сережи и чуть ли не смеюсь в голос.

«Детка»! Я думала, что только подростки страдают подобной ерундой. Нет, эта зараза передается и взрослым. Таким, как Сергей, и это не лечится.

Рома

Мама сегодня в игривом настроении. Вон, даже пальтишко свое надела и шапку-ушанку, накрасилась. Мне придется ждать ее еще полчаса. Стоять и париться в доме, пока

эта Юля копается со своими кроссовками и пытается их завязать. Но у нее не получается ни с первого раза, ни со второго, ни даже с третьего. Наклоняюсь, чтобы помочь. Это мгновение будто длится вечно: я завязываю маленькой девочке шнурки. В голове возникают воспоминания, где я в пятилетнем возрасте прыгаю перед мамой и выпрашиваю себе на день рождения сестренку. Дебил. Каково ей было это слышать?

А она смотрит. Дивится тому, как я ухаживаю за маленькими ножками девочки. И, кажется, улыбается. Все-таки странная женщина моя мама.

– На выход! – командует она.

– Да, слепим снеговика! – радуется Юля.

– Не получится, там минусовая, – усмехаюсь я.

Юля тут же расстраивается, а мама кривит лицо. И правда, чего это я так резко? Уж не ревность ли во мне кипит? Все-таки я привык быть в квартире единственным любимчиком, сегодня мое место заняла какая-то случайная девчонка. Но мне-то что? Меньше конфет достанется? Пропускаю мимо взгляд матери, и мы выходим во двор.

Юлька начинает носиться и собирать всевозможные сугробы, лишь бы успеть до приезда отца накудаться по полной. Мы с мамой стоим у подъезда и спокойно ждем. Ну как спокойно – я то и дело посматриваю в экран, проверяя время. Мы с пацанами договорились встретиться в парке примерно в шесть. Уже без десяти шесть. Успеем?

Как только задаюсь этим вопросом, во двор въезжает машина. То, что это подходящая, понимаю по радостным выкрикам Юльки. Девочка чуть ли не кидается под авто, но моя мама живо ее останавливает, хватая за руку и притягивает к себе. Хорошая реакция. Мы дожидаемся, когда мужичок сам выйдет из машины и пригласит нас сесть. Марк, ведь Марк? Марк выбирается с водительского сиденья, и тогда Юлька летит к нему со всех ног. Он подхватывает ее и кружит в объятиях. Слишком тошнотворная картина... рассматриваю в это время припаркованную машину. Это старенькая «Киа Рио», любопытно, какого она года? Ни хорошая, ни плохая, просто машина, слегка потрепанная и немного грязная. Но это что? У меня, например, вообще собственной машины не предвидится в ближайшем будущем. Так что нечего поливать грязью чужую!

Я, Марк и Юля садимся в «Киа», моя мама провожает нас взглядом, стоит и обжимает себя руками, вроде как замерзла.

– Марина, поехали с нами! Там хорошие горки, покатайтесь, – предлагает Марк.

– Да вы что! Нет! Я еще пожить хочу! – изображает ужас мама и пятится.

– Тогда просто составьте нам компанию...

– Она – жуткая трусиха, – перебиваю Марка, чтобы ускорить нашу поездку.

Мама срывается с места и залезает в машину. Обиделась, ее задела мои слова про трусиху. Спереди шелкает ремень

безопасности, и мы трогаемся. По пути в парк нас развлекает Юля. Она рассказывает обо всем, что произошло сегодня. Про уроки, оладушки, мультики, взрослые журналы, про мамину «фигню» и рисунки. Мама сидит спереди ровно, не поворачиваясь. Вижу, как ее щеки зардели красным. Марк тоже кинул на нее свой взгляд. Как говорится, попалась! Не уследила за своим языком и ляпнула слово-паразит. Про журналы позже поговорим, хотя она делает вид, что ничего не видела. Как всегда! Только Санек мне их выдал чисто поржать, так мама их сразу нашла. Закон подлости, не больше. Сегодня же выкину их.

– Спасибо, что провели с ней этот день. Как я могу вас отблагодарить? – до меня доносятся негромкие слова Марка.

Чего? Тоже мне джентльмен нашелся! Маман, не слушай его, он тебя клеит! Ты разве не видишь?!

– Что вы, мне было очень приятно пообщаться с Юлей. Она у вас позитивная девочка. Кстати, что за парк? – мама сыплет в ответ всякие милости. Понятное дело, переводит тему.

– Молодежный парк, там специально оборудованные горки для тюбинга, – помогаю ей.

Потом мы опять слушаем Юлю и ее впечатления о том, как она впервые каталась на ватрушке. По ее словам, она чуть голову не потеряла, когда летела с высокой горы.

К счастью, мы приехали. Я быстро выбираюсь из машины и топаю к пацанам, оставив это уникальное трио в салоне.

Санек, Паша и Ваня стоят в очереди у проката, чтобы арендовать несколько тубингов. Присоединяюсь к ним, Саньке «даю краба», Пашке «пятюню», а с Ваней мы официально жмем друг другу руки. Я его не очень хорошо знаю, это друг друзей.

– Где девчонки? Ты обещал девчонок, – сразу возникает Саня.

– Будут. Полина уже на склоне с подругами.

– Что за «Киа Рио»? У тебя папаня появился? И сестра? – кивает головой в сторону парковки Паша.

– Да так, соседи подвезли, – усмехаюсь в ответ на его слова.

Но мы все автоматически оглядываемся на парковку и наблюдаем живописную картину: Марк идет за руку с Юлей. Мама, едва не поскользнувшись, крепко удерживает мужчину под другую руку. Они идут втроем и смеются. Маме к лицу такая улыбка, хочется запомнить этот момент. Да и вообще им троим это к лицу. Они смотрятся одной семьей...

– Ром! – возвращает меня в реальность Саня.

Оказывается, подошла наша очередь. Мы берем четыре плюхи по количеству человек, ведь никто не хочет ждать своей очереди или ехать на чужой, где сидел чей-то зад. Пижоны!

Пробираемся к горкам. Они кажутся больше, чем в прошлом году, хотя каркас всегда один и тот же. Наверное, это потому, что я за год вытянулся, пошел в рост. Оглядываюсь

и узнаю Полину в ее смешной вязаной шапочке. Подхожу к ней, пока она не успела скатиться с горы.

– Привет!

Она поворачивается ко мне и приветствует своей улыбкой. Обнимаю ее и целую. Прикрыв глаза, улавливаю где-то рядом звуки умиления. Это нашему поцелую восторгаются ее подружки. Тактично заканчиваю целовать Полину, хотя предпочел бы продолжить.

– Знакомься, это Вероника и Лёля. Света где-то там, – показывает в сторону спуска Полина. – Девочки, это *мой* Ромка.

«*Мой* Ромка»... Полина выделила слово «*мой*», будто бы ее подруги имели какие-то виды на меня. Но мне приятно. Цепляюсь за ее руку и сжимаю крепко. Сейчас бы не эти горки, а какой-нибудь фильмец по телеку и мою Полину рядом под одеялом...

– Пойдемте, я вас с парнями познакомлю, – отвлекаюсь от приятных мыслей.

Когда мои друзья видят девчонок, то сразу делаются важными и отважными. Саня выпрямляется, выпячивает все свои достоинства, не зря же он в спортзале зависает. Паша задирает нос кверху, дабы показать, что удав – птица гордая, и все в том роде. После он садится на плюху, я его как следует пинаю, и Паша летит. Делов-то.

Ваня держится уверенно и спокойно. Подмечаю, как он по-взрослому ведет себя с девушками. Становится понятно,

что он имеет хоть какой-то опыт в общении с противоположным полом в отличие от этих индюков. А я продолжаю держаться Полины, обвиваю ее рукой и смотрю, как друзья разыгрывают представление. Ради интереса все же окидываю взглядом новых знакомых девушек. Ну Вероника, иначе говоря, Ника, безбашенная особа с побритой наголо головой, насколько я услышал. Катается на тубинге исключительно по-пингвиньи, то есть на животе. Лёля – местная модель. Стоит в красивеньком розовом комбинезончике, позирует. Часто хлопает своими длинными наращенными ресницами, когда чего-то не понимает. И Света, нормальная такая девчонка, как я говорю – попроще. Захочет – скатится с горы, где весело – посмеется, когда нужно – промочит. Ничего лишнего, все к месту и по-настоящему.

В какой-то момент мне приходится отпустить Полину, и она скатывается со склона, я почти следом. Встречаемся внизу, беремся за руки и идем вместе подниматься. Мимо проносятся люди с ором и хохотом. Среди них я вижу маленькую Юлю. Это означает, что где-то наверху стоят Марк и мама. Как бы не так.

– Слушай, это не твоя ли мама несется там? – показывает пальцем Полина.

Сумасшедший женский крик, глаза почти навывкате, шапка-ушанка набекрень, руки буквально вросли в плюху. Моя мама подскакивает на волнах горки и снова катится вниз. Орет так, что видно ее гланды. Я стою как вкопанный, ко-

гда она проезжает мимо нас. Провожая ее взглядом. И ладно бы этим все закончилось, но нет! Следом за ней несется Марк! Этот вечно грустный и серьезный мужик (мы с ним почти каждое утро здороваемся, когда встречаемся в подъезде), и он смеется. Где-то там внизу сбивает маму с ватрушки, и они валяются в снегу. Вот это да! Не думал, что она способна съехать с высокого склона, видно, ее очень сильно задела мои слова. Нужно будет по приходе домой извиниться.

– Ты идешь? – тянет меня за руку Полина.

– Иду.

– Не знала, что ты прихватил с собой всю семейку.

Не отвечаю. Полина прекрасно знает, что я живу только с мамой и у меня нет отца. Зачем она так? Или ее эта картина тоже задела? Ни разу не видел Полину с родителями. Ну, мама ее постоянно откуда-то забирает: то со школы, то с гимнастики, то от репетиторов. И отчим забирает. В этом заключается совместное времяпровождение. Никаких прогулок, посиделок или игр. Мы с мамой хотя бы в «дурака» иногда играем, киношки всякие смотрим, каждый день у нас совместный ужин. Я и мама ближе, чем Полина и ее предки. Это и обидно. Внезапно понимаю, что нужно ее поддержать. Снова останавливаюсь, беру ее подбородок и нежно целую в губы, после обнимаю.

– Никуда тебя не отпущу, – говорю ей.

– А надо бы, – усмехается Полина.

Как оказалось, мы слишком сильно вышли на горку. Не проходит и секунды, как Санька сбивает нас с ног своей плюхой, и дальше я уже качусь с ним, лежа на его животе. Друг ржет как конь, а я недовольно смотрю на него.

– Че ты вот едешь, когда не надо! – понимаю, что мое обвинение выглядит неуместно по-детски.

Санек продолжает ржать, ждет, когда я упаду с него в снег. Но я держусь: ехать, так ехать до конца, чего уж тут. По-линка тем временем поднимается на горку без меня, тащит две ватрушки за собой. Маленькая, но сильная. Засматриваюсь на нее так долго, как только могу. Когда спускаемся, Санек макает меня в сугроб, между нами завязывается шуточная борьба. Катаемся с ним по снегу, удерживая друг друга за шиворот. Так полагается, это по правилам. Я получаю снежком по морде, Саня получает снежком по морде, на этом и успокаиваемся.

Все-таки отличный вечерок выдался. Я весь мокрый от снега и пота, уставший настолько, что сил нет куда-либо идти. Щеки болят от смеха, голос сел от громкого ора, но внутри хорошо. Я отдохнул от уроков и этого скрёбанного ЕГЭ, встретился с пацанами, познакомился с подругами Полины, в конце концов – покатался на плюхе. И как же сильно горжусь маминым поступком! Правда, по пути домой она сидит в машине никакая. Вроде веселая, но видно, что испуганная. Этот спуск с горы был ради авторитета, уве-

рен в этом. Ради меня. Она хотела мне доказать, что ничего не боится. И доказала. Марк, сидя за рулем, тоже восхищается ее поступком. Юлия на удивление притихла, только сейчас замечаю, что она уснула в своем бустере. Опустила голову к окну и теперь стучается о стекло. Я осторожно беру за ее голову рукой и поправляю, встречаюсь взглядом с Марком в зеркале заднего вида. Его глаза выглядят суровыми, но это больше из-за возраста. На самом деле он ими улыбается, благодарит меня за помощь.

Ведь это у него умерла жена? Не могу представить, каково это. Я, например, не видел своего папу. Мама мало рассказывала о нем. Да я и не особо интересовался, когда узнал, что он бросил ее беременной. Как можно бросить мою маму? Она же самая лучшая! Так, о чем это я? Точно, о Марке. Я не скучал по отцу, потому что не знал его. Другое дело – Марк. Сколько себя помню, он жил вместе со своей женой в квартире напротив. Помню их с коляской. Жена у него была худая – жуть, даже худее моей мамы. Она всегда ходила, удерживая Марка под руку, казалось, у нее не было сил идти самостоятельно. Точно так же моя мама сегодня ухватилась за него... От этого ему тяжело, но он скрывает, беседует на отдаленные темы. Хотя прошло не так много времени. Конечно, он скучает по жене.

Чтобы отвлечься от потока мыслей, утыкаюсь в телефон. Скоро будем дома. Горячий чай и крепкий сон – лучшее лекарство от воспоминаний.

Глава 4

Марина

Мне не хватает душевного спокойствия. Я слишком долго не ходила на свидания. Но и этот раз не стоит считать свиданием, просто встреча двух одноклассников на концерте. Смотря в зеркало, ухмыляюсь самой себе. Если это всего лишь встреча, то зачем я покрасила волосы, сделала брови и маникюр? Для чего надела шикарное белое платье в пол? Его разрез достигает моего бедра и оголяет правую ногу. Я даже взяла с собой туфли на каблуках, чтобы переобуться. Конечно, перед этим примерила их и подумала: «Счастливая женщина носит кеды».

Но сегодня я счастлива выбраться из дома и ходить по залу в туфлях. Находясь все там же у зеркала, громко ойкаю, когда завожу руку вверх. Это остаточное явление от моей поездки со склона на плюхе. Удивительно, как я все кости не переломала! Отделалась ушибом и небольшим синяком на руке. Однако этого достаточно, чтобы обеспечить себе повод для нытья.

Иду к Роме в комнату. Дверь открыта, поэтому стучать не приходится. Сын сидит на диване с гитарой и пытается

разобрать новую песню, чтобы сделать на нее кавер.

– Нормально? Как считаешь?

Рома поднимает на меня глаза и зависает. Для дополнительного эффекта кружусь вокруг своей оси, показывая, как платье выглядит сзади и по бокам. Похоже, сын не верит, что это я.

– Ништяк вообще! – качает головой Ромка. – Ты в магазин?

Цокаю языком, чтобы навязать ему обиду. Все он знает, просто издевается. Напоминает мне, что я давно никуда не выбиралась.

– Ладно, я пошутил. Оторвись там как следует! Звони мне каждые полчаса, – передразнивает меня за то, что я когда-то контролировала его любые походы на всякие праздники.

– Очень смешно. Давай, пока!

Не того эффекта я ожидала, но восторженный взгляд сына прибавляет мне немного уверенности в сегодняшнем вечере. Мое пальто скрывает большую часть платья, но не до конца. Его подол выглядывает из-под верхней одежды и небрежно ложится на сапоги. Решаю шапку не надевать, иначе от моей прически ничего не останется.

«Детка, я на месте», – звякает мой телефон сообщением от Сережи.

На выходе из квартиры стараюсь не ловить себя на мыс-

ли, что поступаю неправильно. Я не должна уходить вот так на концерт. Я должна готовить ужин. Да, Рома сказал, что сделает себе яичницу или макароны, но меня все равно мучает совесть. Надо было думать об этом раньше! Сварганить хотя бы тот же самый омлет перед уходом.

– Королева, – встречает меня у машины Сергей и целует руку.

Протягивает букет из роз. Они не белые и их не девяносто девять, это уже хорошо. Сергей открывает передо мной дверцу машины, и я сажусь. В салоне тепло, мое оголенное бедро, пусть и в колготках, успело замерзнуть. Отогреваюсь. Оглядываю салон. Кожаные сиденья, спортивный руль, подстаканник для напитков, в воздухе пахнет чем-то древесным. Мужской аромат разносится по салону автомобиля, когда на соседнее сиденье садится Сергей. Сегодня он в идеальном состоянии: та же голливудская улыбка, блондинистые волосы, перчатки из кожи и серое пальто.

– Нужно было занести их в дом, – обращаю внимание на розы, – или обернуть в газету, так они замерзнут.

– Профессиональный взгляд, да? Понял. Как давно работаешь в цветочном? – выкручивая руль, Сережа разворачивает машину и выезжает с парковки.

– Семнадцать лет, – это выглядит немного жалко. Я не меняла работу с тех пор, как Рома появился на свет. В этом не было необходимости. Хочу себя оправдать и добавляю: – По крайней мере, в цветочном все стабильно.

– Стабильно? Девочка моя, стабильно – это когда зарплата каждый месяц поднимается на несколько пунктов. А то, что ты называешь стабильностью свои... сколько там? Двадцать-тридцать тысяч? Это не стабильность, это постоянное падение. Цены-то растут, а зарплата топчется на месте.

Выдывается, вот говнюк! Разумеется, Сёма мне уже говорил что-то такое: он занимается инвестированием, зарабатывает на разнице между валютными парами или что-то вроде того. Я в этом абсолютный лох, честное слово. Но от Сережи не ожидала подобных слов. У меня нет никакого желания пререкаться, поэтому остаюсь достаточно спокойной, чем и подбешиваю господина Кравцова, у которого все стабильно, блин. Оставшуюся дорогу до концерт-зала мы едем почти молча. Иногда Сережа что-то спрашивает, я что-то отвечаю. Делаюсь незаинтересованной, набивая тем самым себе цену. Пусть не рассчитывает, что просто так получит мое расположение!

После долгих поисков места для парковки мы оставляем машину и идем внутрь здания, где будет проходить концерт. Оно трехэтажное: на первом расположена гардеробная и туалет, на втором как раз таки сцена, VIP-столики и последующие ряды для обычных зрителей, на третьем – ресторан. Я была здесь однажды, когда в Липецк приезжал известный скрипач, Рома подарил мне билет, пришлось идти.

– Мариночка, шикарное платье! Ты выглядишь велико-

лепно! – помогает мне с пальто Сережа.

– Спасибо!

Улыбаюсь: это какое же длинное и наигранное слово – великолепно. Только вдумайтесь: ве-ли-ко-леп-но. Слишком лестно, не находите? Но радостно принимаю комплимент, одновременно оценивая своего спутника взглядом. Сережа одет в рубашку и джинсы, сверху напялен важный пиджак. Понимаю, что как бы этот блондин ни вырядился, подлецу все к лицу. Он уже несколько раз прошелся глазами по моему бедру, сложно не заметить его животный интерес. Об этом тоже стоит промолчать.

Сергей провожает меня за VIP-столик, снова целует руку и уходит. Я остаюсь ждать начала. Надо же, не обманул! На столе действительно стоит тарелка с фруктами и бутылка шампанского. Мне не нужно особое приглашение, наливаю розовой булькающей жидкости себе в бокал, делаю глоток и отрываю несколько ягодок от виноградной грозди. Зря я не поела перед концертом, чувствую, как напиток оседает в животе.

Когда я «приговариваю» половину винограда из тарелки, на сцену выходит неизвестный мне мужчина. Сзади все аплодируют. Зрители за VIP-столиками смотрят на него как-то свысока, хотя сидят значительно ниже сцены. Не хочу показаться одной из этих невежд, тоже начинаю хлопать. Собираю на себе чужие взгляды мажоров. Ну почему все откровенно пялятся на мою оголенную ногу? На всякий случай

оглядываю ее. Колготки целы, все в порядке.

Мужчина на сцене начинает говорить. Говорить качественно и много. С таким подвешенным языком ему здесь самое место. Его история для стендапа на самом деле скучная, но то, как он ее преподносит, заставляет верить ему и улыбаться. Я на подобном мероприятии оказываюсь впервые, зато считаюсь опытным зрителем у экрана телевизора, так сказать, со стажем. Заливаю целый бокал шампанского, когда на сцене сменяются мужчины. Этот шутит про секс, отпускает всякие пошлые шуточки, и все начинают смеяться. Людям это нравится, им весело. Шампанское внутри придает мне еще больше уверенности, поэтому я сижу с каменным лицом и смотрю на выступающего. Он ловит мой взгляд, и все последующие шуточки направлены в мою сторону, чтобы я засмеялась. К концу это выступление превращается в схватку: засмеюсь или не засмеюсь. Кажется, парень расходует себя и выдает лучшие житейские анекдоты. Перед самым уходом он отмачивает шутку про Царевну Несмеяну в белом платье, я не удерживаюсь и расплываюсь в улыбке. Он так радуется, что сам одаривает себя счастливыми аплодисментами.

Третьим выступает Сережа. Свет в зале приглушается, и оставшееся освещение акцентируется на площадке. Сережа ведет себя расслабленно. Он легкими шагами передвигается по сцене, держит руки в карманах джинсов, словно ему все равно на толпу. Говорит саркастично и с некой долей по-

фигизма. Мне нравится его голос – приятная хрипотца, играющая на грани между сексуальной и притягательной. Его все слушают, в зале тишина, разве что сзади кто-то перекидывается парой фраз. Именно оттуда я узнаю, что Сережа в этом зале гость и не входит в «основной состав» стендаперов Липецка. Может быть, поэтому такая заинтересованность?

– Отчего-то в жизни все циклично. Нам не нравится думать, не нравится работать головой. Мы совершаем одни и те же действия, постоянно. Вот ответьте мне на вопрос: кто замечал? Кто это испытывал, когда не хочется куда-то идти или что-то делать?

Слышатся одиночные выкрики из зала. Сережа понимающе кивает и, показав жест «о, кей», продолжает:

– Хотя я и привык гастролировать, но вы бы знали, как мой мозг отвергал переезды! Собираю вещи – тяну резину, машина уже подъехала, я закрылся в туалете, думаю, пересяжу там, может, уедет без меня?

В зале начинают смеяться. Я воздерживаюсь, Сережа поблескивает своими глазами в мою сторону.

– Да-да, отказаться от чего-то нового – лучшее решение, – утрирует Сергей. – Знаете, в нашей голове обитают как минимум три типа личности: обезьянка, рациональное существо и панический монстр. Как думаете, кто чаще всего оказывается у руля? Я огорчу вас: конечно, обезьянка! Та самая, которая с гранатой или тарелочками. Это она отвечает

за мгновенное удовольствие, наш чилл и беспечную жизнь. Это она говорит: «Слушай, давай никуда не пойдём. Какой, на хрен, переезд? А вдруг там ничего не получится, тебе будет плохо, сиди дома». И она же подталкивает нас к самому главному, когда нужно принять серьёзное решение: «В этом так просто не разобраться, пойдём лучше на „Ютуб“, на котиков позалипаем!»

Тут зал взрывается хохотом и аплодисментами. Похоже, многие узнают себя. Мне не смешно, больше познавательно. Представляю, насколько часто обезьянка в голове управляет мной. Кажется, она тоже засела там на постоянке.

– Рациональное существо только хочет дотянуться до рычага управления, обезьянка ему: «Чувак, думать больно, тебе не понравится. Ну, если уж в интернете котиков не осталось, пойдём пожрем. Ты хочешь есть». И человек такой: «Да, точно, я хочу есть». Именно поэтому, когда разводился, я влил в себя литр кофе перед походом в загс! Серьёзно.

Народ снова поддерживает стендапера громким всплеском ладоней, особенно мужчины. Не знаю, как это работает, что-то вроде мужской солидарности. Выходит, Сережа был женат и сейчас в разводе? Очень интересно. Вопросительно смотрю на него, и он подмигивает мне со сцены.

– Кто же отвечает за волшебный пендель? – интересуется Сережа. Зрители молчат, как студенты на паре, когда преподаватель внезапно задает вопрос. – Панический монстр. С вами это было по-любому. Он приходит, когда почти позд-

но, но еще есть время наверстать упущенное. Такой стрессняк, который пугает: «Бу-у-у! Я тут, я пришел. Сейчас буду нагонять страх и ужас!». Панический монстр отвечает вам хороший такой пинок под зад, и вы начинаете действовать. Пусть дергано и в аварийном режиме. Это когда работа идет, но в целом организм неисправен. Я так сдавал на права: помню, что ехали, помню, что мне задавали вопросы, и я на них отвечал. Но что было? Что спрашивали? Просто полное отсутствие мыслей! Чистое полотно. Панический монстр ушел, а обезьянка хлопает в свои тарелочки и говорит мне: «Да ну все это, пойдем выпьем, это у нас хорошо получается».

Сережа завершает свое выступление еще несколькими шутками. Под конец я розовею, улыбаюсь. И совсем не удивляюсь, когда Кравцов садится за мой столик. Оставшуюся часть концерта мы досматриваем вместе. Я не могу игнорировать постоянные прикосновения его рук. Сережа беспалевно гладит мое колено под столом и придвигается ко мне все ближе. Мой голодный желудок сыграл со мной злую шутку: я быстро запьянела от шампанского, поэтому не могу адекватно воспринимать реальность. Или не хочу ее воспринимать.

Я разрешаю себе расслабиться в этот вечер. Побыть раскрепощенной женщиной, которая желает переключиться. Как рассказывал Сережа, оставляю свою обезьянку у рычага

управления, пусть продолжает сбивать меня с правильного пути. Мне это нравится.

Уже не помню, в какой момент по дороге домой Сережа сворачивает не туда, и мы оставляем машину в дачном поселке около двухэтажного домика. Зато отдаю себе полный отчет в том, что сама высвободилась из белого платья и сама легла на диванчик, позволив Кравцову нависнуть надо мной. Я понимаю и принимаю тот факт, что это, скорее всего, наша единственная ночь, которую мы проведем вместе. Потому, что я – не глупая, не питаю никакой надежды, что эти отношения могут иметь какое-то будущее. У меня есть взрослый сын, Сережа был в браке. Нам нечего делать вместе, мы выросли из романтики и не строим иллюзий.

Мне просто хорошо в этом домике лежать и стонать. Задирать подбородок кверху, чтобы Сережа мог впиться поцелуем в мою шею. Ощущать, как бесконтрольно он врывается в меня и прокатывается ладонью все по тому же бедру, что соблазняло его весь вечер. Играть с ним в страстную игру, где он чувствует себя хозяином. Точно это Сергей затащил меня на дачу, а не я его. Нет, я была к этому готова. Иначе к чему маскарад? Зачем платье и туфли? К чему концерт, если конечная цель вечера все равно здесь? Это обязательные условия игры, которым нужно следовать, чтобы сорвать куш. Я свой сорвала, как и Кравцов. В этом раунде нет проигравших.

Рома

– Ну давай, ну давай! Черт! Какого?..

Я злюсь. Сегодня в онлайн-турнире победила команда противников. Нашу базу разнесли всего за час. Пашка и Санек тоже негодуют, теперь сидят и пялятся в монитор на меня. У нас проходит маленькое собрание по обсуждению ошибок и разработке стратегии для следующей игры в танки.

Сижу в кресле, а Лорд лежит на моих коленках и мурчит. В комнате темно, только монитор компьютера создаст небольшой отсвет, струящийся по моему лицу. Друзья, как обычно, перекидываются дикими шуточками, но мне не до того. На часах далеко за полночь, моей мамы все еще нет. Последний раз она писала, что немного задержится. Так вот, мама задерживается уже на три часа. Я навел справки: концерт давным-давно закончился. Куда она подевалась? И звонить как-то неудобно, все-таки взрослая. Но я все равно переживаю. Вдруг что-то случилось?

– А я говорю, нам нужны еще люди! – настаивает Паша.

– На фига? Подумай своей башкой, нужно было начать с их базы, а ты... – противится Санек.

– Ладно, давайте до завтра. Пока!

Попрощавшись с ребятами, выхожу из комнаты на посторонние звуки в прихожей. Слава богу, маман возвращается.

ся домой живая! Стягивает с себя пальтишко и поглядывает на меня как ни в чем не бывало. До меня доносится запах сигарет. Еще и курила, вот хулиганка! Хочу поругать ее за это, но внезапно замечаю довольное лицо мамы и останавливаюсь. Она полностью освобождается от верхней одежды и проходит мимо меня в своем белом платье. Такая утонченная и немного взлохмаченная, что не может не удивить.

– Что? – она останавливается совсем рядом. Нет, пожалуй, не только сигареты, в ней еще и шампанское. Запах почти выветрился, но мама редко позволяет себе алкоголь, поэтому на ней этот аромат держится дольше.

– Ты странная, как минимум. Все нормально?

– Да, все чудесно. Отличный несмешной концерт, теперь понятно, зачем там на столах шампанское. Кстати, ты поел?

– Нет, как-то не хотелось.

– И почему не спишь? Рома, завтра в школу!

– Уже сегодня, – подсказываю я, указав на время.

– Тем более! Живо спать!

У нее нет сил даже прикрикнуть на меня. Такое ощущение, будто на ней пахали. Хотя... чего уж скрывать? Это же очевидно, что она была не одна. Вон какая расчудесная домой вернулась. И мне совсем не хочется представлять, что мою маму кто-то... так... всё, меняем тему. Пора спать.

Мама уходит в душ, я ставлю чайник и сажусь в кухне. Проверяю, есть ли Поинка в Сети, она там. Отчего-то тоже не спит так поздно.

«Не спится, малышка?» – пишу ей.

«Какое там! С отчимом отношения выясняем», – отвечает она.

«Почему?»

И Полина начинает набирать сообщение. Томительно жду, когда она закончит. Чувствую, что она на эмоциях. Значит, переживает по этому поводу. Пока сообщения от Полины нет, кидаю ей смайлики в качестве поддержки. Но кому они хоть раз помогли? Здесь нужно личное присутствие, моя реальная помощь. Вот бы сейчас оказаться рядом с ней...

– Тебе сделать чай? – спрашивает мама, показавшись в комнате.

Смотрю на нее и дивлюсь, какая она сегодня красивая. Пусть уже не в платье, а в своем домашнем халате. Сырые волосы забраны назад и, потихоньку подсыхая, завиваются, принимают естественный вид. С ее лица не сходит еле заметная улыбка, мама даже напевает какую-то песню себе под нос.

– Да, давай чай.

Говорю, а сам прикидываю: мы ведь редко с мамой ссоримся. Не могу выдумать ни одной проблемы, ради которой следовало бы рвать горло. Если и случается что-то, мы про-

сто садимся и разговариваем, ищем эффективные способы для разрешения той или иной ситуации.

Тут же получаю сообщение от Полины. Читаю и ужасаюсь. Какой все-таки мутный тип этот ее отчим. Качаю головой с осуждением, посылаю Полине сотни сообщений с поддержкой. Но хочется ее обнять.

– Общаешься с Полиной? – мама садится за стол и улыбается мне.

– Да. Отчим у нее, конечно, жесть... Походу изменяет ее маме, еще Полину обвиняет в том, что она... – успеваю опомниться и делаю паузу. Мама ждет продолжения, а я пытаюсь сформулировать подходящее слово. – Ну... легкодоступная.

– С чего он так решил?

– Не знаю, вон чокер ее разорвал и выкинул в мусорку.

Мне обидно за Полину. Ведь она ждала отчима домой, а он где-то шлялся. Вернулся злой и сразу же начал орать на нее. Почему так? Почему взрослые такие злые? Все время норовят поорать и проконтролировать то, что и так без них отлично работает. Я точно знаю: Полина не шалава (то самое слово), она хорошая и умная девчонка. Да, с яркой внешностью, да, с безупречной растяжкой, но это не дает отчиму никакого повода ее оскорблять!

– Мам, почему ты меня не ругаешь? Я вот сижу по ночам за компом...

– Буду ругать, когда твои игры повлекут за собой послед-

ствия. Ты вроде бы адекватный у меня, так? Сам отвечаешь за свое состояние. И когда ты засиживался? По выходным? Уроки делаешь, по дому помогаешь, на улицу иногда выходишь. Золото, а не ребенок! – отвечает мама.

– Может быть, тогда я должен тебя ругать? – смеюсь и наигранно любопытствую: – Концерт закончился четыре часа назад, где ты пропадала? И почему от тебя несет сигаретами?

– Значит, так ты со мной? – усмехается мама и после смотрит в свою кружку с нетронутым чаем. – Заехала в гости к старому другу.

– К другу?

– К другу.

– У меня же не будет отчима, правда?

Мама издает короткий смешок. На этом нужно остановиться, ведь я почти распекаю маму за то, что она с кем-то хорошо провела время. Черт, она и так никуда не выходит, зачем я это делаю? Завидно, что ли? У меня вот Полина есть, а у мамы никого. Только я. Любопытно, насколько важно, чтобы в тридцать пять лет рядом с женщиной был мужчина? Они же старые, или нет?

– Я спать! – мысленно матерюсь на себя за свои мысли.

– Спокойной ночи, Ром! Я тоже сейчас пойду. На работу рано вставать.

Убираюсь как можно скорее с поля боя. К тому же я еще не все сообщения отправил Полине, какие хотел. Она плачет, скучает по маме, но звонить и жаловаться ей не хочет. Я

долго кручусь на диване, обдумывая план. Спустя несколько минут решаюсь написать:

«Если завтра лучше не станет, приходи ко мне ночевать»

Сердце стучит как бешеное, руки трясутся от ужаса. Только бы Полина не подумала ничего такого! Просто переночевать, чтобы уберечься от отчима.

Ну же, Полина, не молчи, пожалуйста! Напиши мне, что согласна, я же сойду с ума, если не ответишь. Прошу! Пожалуйста!

«Посмотрим*», – она отправляет сообщение и выходит из Сети.

Глава 5

Марина

Утро только началось, а мне уже хочется вырвать себе глаза: перепады давления и нескончаемый шум в голове. Где-то там внутри слышатся отголоски вчерашнего концерта, резкие сигналы микрофона и само собой разумеется болезненные последствия от шампанского. Я не должна была столько пить. Не должна была задерживаться у Сережи на даче. Да и вообще не должна была ходить на концерт. Но что сделано – то сделано, приходится принять это как факт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.